

мужичку-то моему, придетъ и сядетъ. Я въ поле уйду, а онъ и воды ему, и чайку припасеть, и къ головѣ лопухъ къ примѣру... Намъ за него Бога молить, за Петровича-то, а ты вонъ какія рѣчи...—И она съ упрекомъ посмотрѣла на легкомысленную бабенку.—Моего Митрошку грамотѣ обучилъ! — подхватила другая.—Охъ, бабочки, отъ порчи лечить!—воскликнула третья,—у насъ тетку Химу какъ каржило; чуть что, сейчасъ это ее поведетъ, поведетъ... бьется, бьется она... А теперь она забьется, а онъ ей порошокъ такого; она затрепыхается, а онъ ей въ ложку да въ ротъ... Здорово помогаетъ!—Въ родѣ какъ квасцы?—съ живостью спросила четвертая, и не дождавшись отвѣта, затараторила:—давалъ онъ мнѣ. У меня какъ померъ Гришутка, болѣзныя мои,—померъ онъ, и ну меня поводить, и ну... Все сердечушко изныло. Я ли не плакала, я ли не убивалась... Бывало бьюсь, бьюсь... Только Петровичъ приходитъ къ Мирону, Миронъ и говоритъ: вотъ, бабѣ подѣлалось. Ну, онъ и далъ мнѣ тутъ... Такъ что-жъ, родимыя вы мои, свѣтъ я тутъ взвидѣла, какой онъ такой свѣтъ бѣлый бываетъ!

Съ бабьихъ столовъ разговоръ объ Ильѣ Петровичѣ дружнымъ и сочувственнымъ рокотомъ перешелъ къ мужикамъ. «Кто? Петровичъ?»—спросилъ Карявый, и хотѣлъ ужъ было по своему обычаю прибавить ѣдкое словечко, но подумалъ и вымолвилъ рѣшительно:—Петровичъ—парень важный!—Намедни какъ ловко мнѣ росписку съ старшиной написалъ,—сказалъ одинъ.—Человѣкъ съ расчетомъ!—важно провзнесъ другой, третій разсмѣялся и покачалъ головою: чудачина!—проговорилъ онъ какъ бы обезсиленнымъ наплывомъ веселыхъ воспоминаній, но больше ничего не сказалъ, ибо получилъ въ отвѣтъ сдержанное молчаніе.—А съ господами-то онъ врядъ хороводится!—замѣтилъ рыжій мужичекъ съ бородкой клинушкомъ.—Куда ему!—снисходительно отвѣтилъ другой рыжій мужичекъ съ бородой-лопатою. И на этотъ разъ Карявый не вытерпѣлъ. «Гдѣ ему, горюшѣ, съ господами возжаться,—провзнесъ онъ,—гляди, портокъ не начинится съ доходовъ-то своихъ!»—Но и на остроу Каряваго мужики усмѣхнулись слабо. А рыжій мужичекъ съ бородкой клинушкомъ даже пришелъ въ неописанное возбужденіе, и заговорилъ спутанно и поспѣшно: «это, ты, Власъ, не говори... Это такъ-то всякій... Иной, братъ, и бѣдный ежели... Иной, онъ и бѣдный, да Бога, напримѣръ... Бога иной помнить!»—И всѣ дружно согласились съ рыжимъ мужичкомъ.

Во время обѣда появился Захаръ Ивановичъ и обошелъ столы. Мужики громко здоровывались съ нимъ. Съ бабами онъ заго-